

Научная статья

УДК 342.3

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.37-63

О политической (государственной) терминологии средневековой Руси (XI–XVI вв.) и ее генетической связи с Византией (X–XV вв.)

**Наталья Михайловна Золотухина¹,
Татьяна Валентиновна Власова²,
Сергей Александрович Колунтаев³**

^{1, 2, 3} *Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация*

¹ *nzolotuhina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0714-4800>*

² *t_vlasova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>*

³ *sa@koluntaev.ru*

Аннотация

Введение. Вопросы, касающиеся возникновения и эволюции средневековой государственно-правовой терминологии в России, давно интересуют не только историков-юристов, но и других ученых гуманитарного профиля. До сегодняшнего дня не выработано единого подхода к определению семантики терминов этой группы, а также ее изменениям в процессе эволюционного развития. В числе прочего наиболее острые дискуссии в России и за рубежом вызывает вопрос о форме правления, существовавшей в течение всего Средневековья как в русском государстве, так и в Византии. Серьезные разногласия сохраняются между учеными различных отраслей гуманитарной науки и в определении других элементов формы государства – формы государственного устройства и государственного режима.

Теоретические основы. Методы. В статье в соотношении с византийскими источниками рассматриваются средневековые памятники истории политико-правовой мысли Руси и употребляемая в них терминология. Для получения научного результата используются общие логические приемы, сравнительно-исторический, системный, догматический и герменевтический методы исследования.

Результаты исследования. Авторами критически анализируются основополагающие понятия, применяемые в произведениях средневековых мыслителей Руси и Византии, и акцентируется внимание на необходимости правильного определения их существенных признаков.

Обсуждение и заключение. Применение к Средневековью современного понятийно-категориального аппарата недопустимо без соответствующей аргументации. Анализ формы государства, относящейся к далекому прошлому, с использованием достижений и инструментария современной науки теории государства и права и учетом терминологических особенностей понятийного аппарата средневековых мыслителей и законодателей позволяет достичь наиболее адекватного представления об организации государственной власти.

Ключевые слова: понятийно-категориальный аппарат, Средневековье, форма государства, форма правления, вече, самодержавие, автократия, теократия, тирания, деспотия

Для цитирования: Золотухина Н. М., Власова Т. В., Колунтаев С. А. О политической (государственной) терминологии средневековой Руси (XI–XVI вв.) и ее генетической связи с Византией (X–XV вв.) // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 4. С. 37–63. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.37-63.

Original article

About the Political (State) Terminology of Medieval Russia (XI–XVI Centuries) and its Genetic Connection with Byzantium (X–XV Centuries)

**Natalia M. Zolotukhina¹, Tatiana V. Vlasova²,
Sergey A. Koluntaev³**

^{1, 2, 3} *Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Moscow, Russian Federation*

¹ *nzolotuhina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0714-4800>*

² *t_vlasova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7371-9719>*

³ *sa@koluntaev.ru*

Abstract

Introduction. Questions concerning the emergence and evolution of medieval state-legal terminology in Russia have long been of interest not only to legal historians, but also to other humanitarian scholars. To date, no unified approach has been developed to define the semantics of the terms of this group, as well as its changes in the process of evolutionary development. Among other things, the most acute discussions in Russia and abroad are about the form of government that existed throughout the Middle Ages in both the Russian state and Byzantium. Serious disagreements persist between scientists from various branches of the humanities and in the definitions of other elements of the form of the state – the form of the state structure and the state regime.

Theoretical Basis. Methods. The article examines medieval monuments of the history of political and legal thought of Russia and the terminology used in them in relation to Byzantine sources. To obtain a scientific result, general logical techniques, comparative historical, systematic, dogmatic and hermeneutic research methods are used.

Results. The authors critically analyze the fundamental concepts used in the works of medieval thinkers of Russia and Byzantium, and emphasize the need for a correct definition of their essential features.

Discussion and Conclusion. The application of the modern conceptual and categorical apparatus to the Middle Ages is unacceptable without appropriate argumentation. If, when analyzing the form of the state dating back to the distant past, we use the achievements and tools of modern science, the theory of state and law, while taking into account the terminological features of the conceptual apparatus of medieval thinkers and legislators, it is possible to achieve the most adequate understanding of the organization of state power.

Keywords: conceptual and categorical apparatus, the Middle Ages, the form of the state, the form of government, the veche, absolute monarchy, autocracy, theocracy, tyranny, despotism

For citation: Zolotukhina, N. M., Vlasova, T. V., Koluntaev, S. A. About the political (state) terminology of medieval Russia (XI–XVI centuries) and its genetic connection with Byzantium (X–XV centuries). *Pravosudie/Justice*. 2025;7(4):37-63. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.4.37-63.

Введение

Без выяснения семантики и этимологии основных политико-правовых терминов в понятийном аппарате средневековых мыслителей с учетом эволюционных изменений, произошедших в их содержании за длительный исторический период, невозможно адекватно определить форму государства, а также содержание политических и правовых учений на различных этапах развития государственности в течение Средних веков как в России, так и в Византии. В настоящее время не выработано единого подхода к определению значений терминов этой группы, а также их изменениям в процессе эволюционного развития. Такая ситуация привела к существенным различиям в толковании основополагающих понятий, употребляемых в произведениях средневековых мыслителей, писателей и публицистов, а следовательно, и сущностной оценке их политико-правовых взглядов. В государствоведении это касается таких терминов, как самодержавие, единодержавие, единовластие, самовластие, самоволие, автократия и абсолютизм, а также теократия, теология, тирания, деспотия, и всех производных от них словообразований. В правоведении – терминов обычай, закон, правда, право, истина, справедливость и благодать. Эти группы терминов относятся к разным, но взаимосвязанным общественным явлениям – государству и праву. В данной статье речь пойдет о терминах, используемых в государствоведении.

Для разрешения проблемы в целом, как и ее отдельных частей, необходим анализ исторических и социально-политических условий, существовавших в обеих странах – Руси и Византии – в период Средневековья, а также уровня их общекультурного развития.

Теоретические основы. Методы

И. С. Чичуров в начале 90-х гг. XX в. вполне справедливо утверждал, что, учитывая тесные взаимоотношения Руси и Византии, необходимо сопоставление их средневековой политико-правовой идеологии, остающееся «нерешенной исследовательской задачей» [1, с. 17]. Он предложил при осмыслении отечественной средневековой политической мысли применять сравнительно-исторический метод, предоставляющий возможность оценки идейного содержания изучаемых произведений не только «изнутри», но и в контексте политических идей близких ему сочинений, принадлежащих «...одной и той же исторической эпохе, относящихся к одной и той же культурно-исторической традиции, касающихся и одной и той же темы, вызванных к жизни сходными конкретно-историческими ситуациями», поскольку без такого сопоставления изучение поставленных проблем будет неполным и неадекватным [1, с. 5].

Мы воспользовались сравнительно-историческим, системным, догматическим и герменевтическим методами исследования, а также общими логическими приемами при анализе политико-правовой терминологии, получившей наиболее пол-

ное выражение в произведениях русских и византийских средневековых писателей, историков и хронографов как светского, так и духовного профиля.

Результаты исследования

При изучении средневековой политико-правовой теории, равно как и законодательства и процесса правоприменения, следует учитывать, что российское Средневековье знает два периода своего государственно-правового развития: ранний – домонгольский (условно называемый Киевским (X – середина XIII в.) и поздний – Московский (середина XIII – XVI в. включительно) при значительных отличиях формы государства в каждом из ее элементов. В Византийской империи элементы формы государства, если их рассматривать в греческом варианте, в основном сохранялись в традиционном виде весь период ее существования (IV–XV вв.).

В историографии русского Средневековья именно форма правления в первом (домонгольском) периоде и ее последующая эволюция в Московском государстве вызывает наибольшее количество споров в современной исторической, философской и историко-юридической литературе. Причем пограничные зоны в называемых учеными ее вариантах дистанцируются от раннефеодальной монархии до демократической республики.

В большинстве дореволюционных исследований формой правления в Киевской Руси называлась монархия. В советский период С. В. Юшков, выделив ряд характерных черт, предложил уточнить ее в виде формулы «раннефеодальная монархия» [2, с. 14]. В настоящее время этот подход тиражируется как в большинстве учебников по «Истории государства и права России» и «Истории политических и правовых учений России», так и во многих трудах ученых, с выделением двух аристократических (феодальных) республик Новгорода и Пскова. Вопрос о необходимости раскрытия этой формулы (раннефеодальная монархия) ставился во время исторической дискуссии 1968–1971 гг., предпринятой Институтом истории АН СССР, проводимой на страницах журнала «История СССР», однако не обсуждался ни в процессе данной дискуссии, ни в дальнейших исторических и историко-правовых исследованиях.

А. А. Горский отмечает, что «одной из самых ожесточенных дискуссий в исторической науке» является вопрос о том, в каком виде был феодализм в России и был ли он в ней вообще, или историки Нового и Новейшего времени воспользовались разработанной во французской историографии XVIII в. «классической моделью» феодализма как «вассально-ленной системы» и «приложили ее к русской истории» [3, с. 65]. В настоящее время у исследователей появились сомнения в достоверности такого определения применительно к организации верховной власти в указанный период, чему способствовали новые открытия, введение в научный оборот ранее неизвестных источников, критическое осмысление устаревших «моделей» в современной исторической и историко-правовой науках, а также предпринятое издательством «Языки славянской культуры» новое широкомасштабное издание Полного собрания русских летописей для научной общественности и читателей, интересующихся историей России, что позволит более глубоко проникнуть в социально-политические отношения в раннем Средневековье.

Рассматривая этот вопрос, прежде всего следует отметить, что приобретение княжеской власти совершалось двумя способами: по наследованию и по избранию. Причем как на Руси, так и в Византии этот факт не имел законодательного

оформления. В России «...с половины XII в. такое мирное совпадение двух начал преюмства нарушается во всех землях... фактически берет перевес начало избрания» [4, с. 58], что неизбежно влечет за собой и возможность изгнания избранного князя, если он не соответствует условиям заключенного с ним на вече договора (ряда) и не находится в «одиначестве» с избравшим его народом.

В настоящее время благодаря привлечению более широкого круга источников были получены очевидные доказательства, свидетельствующие, как пишет П. В. Лукин, о политическом значении вече как собрания жителей городов, в котором принимали участие представители разных слоев населения, о его самостоятельной роли, начиная с XII в., в жизни целого ряда древнерусских земель [5, с. 145–147], что позволяет, наряду с другими фактами, говорить о наличии признаков республики в организации и осуществлении государственной власти в период существования Древнерусского государства.

Как нам представляется, если при анализе формы государства, относящейся к далекому прошлому (в нашем случае к Средним векам), пользоваться достижениями и инструментарием современной науки теории государства и права, различая при этом все элементы, входящие в состав понятия *форма государства*, а именно форму правления, форму государственного устройства и государственный режим, не путать их, совмещая одно с другим, не подменять (наиболее частый вариант совмещения: форма правления с государственным режимом), не сравнивать, например, республику с демократией, то, пользуясь всеми этими понятиями и их определениями, учитывая при этом терминологические особенности понятийного аппарата средневековых мыслителей и законодателей, возможно достичь наиболее адекватного представления об организации государственной власти в тот или иной исторический период.

В. Е. Вальденберг, исследовавший древнерусские политико-правовые учения о пределах царской власти «от Владимира Святого до конца XVII века», пришел к выводу, что в них «на понятие неограниченности [верховой власти] нет и намека» [6, с. 13–14]. Великий князь в домонгольский период был ограничен дружинным советом, с одной стороны, и вечем – с другой. Впоследствии власть князя, а затем и царя в Московском государстве ограничивалась Боярской думой, а с середины XVI и до середины XVII в. – Земским собором как сословно-представительным органом. В. Е. Вальденберг попытался выяснить причину, по которой в исследовательской литературе сложилось и поддерживается длительное время почти общее мнение о том, что власть князя, а затем и царя в течение всего Средневековья в России была неограниченной, более того – абсолютной. В процессе предпринятого исследования он установил, что такое представление о форме правления начиная с X в. и включительно по первую половину XVII в. соответствует современному, а не историческому прочтению и употреблению термина «самодержавие», как и обозначаемого им понятия. Ученый обнаружил, что «отождествление самодержавия с неограниченностью, которое систематически проводил Карамзин, принималось всеми последующими историками вплоть до появления в 1882 г. книги В. Ключевского “Боярская дума”, где этому отождествлению нанесен был решительный удар» [6, с. 14; 7, с. 201].

В. О. Ключевский выступил против применения термина «самодержавие» в значении «абсолютная монархия» ко всему российскому Средневековью. В «Курсе русской истории» ученый вполне определенно высказался об историческом значении термина «самодержавие»: «Древняя Русь не знала такого взгляда, не соединяла с идеей самодержавия внутренних и политических от-

ношений, считая самодержцем только властителя, независимого от внешней силы» [8, с. 157].

В. Е. Вальденберг, подводя итог значению смыслового понятия термина «самодержавие», согласился с В. О. Ключевским в подходе к анализу политических терминов, подтвердив его вывод о том, что эти термины «...имеют свою историю, и мы неизбежно впадем в анахронизм, если, встречая их в памятниках отдаленного времени, будем понимать их в современном нам смысле» [6, с. 15; 7, с. 199]. Анализом «древнерусских учений о пределах царской власти» он убедительно подтвердил вывод В. О. Ключевского о том, что с самодержавием [средневековое] общество соединяло мысль о внешней независимости страны [6, с. 14–15].

О. И. Чистяков также считал ошибочным утверждение о том, что «с Ивана III в России устанавливается самодержавие». По его мнению, «это верно в том смысле, что Иван III, завершивший освобождение Руси от татар, “сам держал” свой княжеский стол, независимо от Орды. Однако говорить о самодержавии в полном смысле слова, т. е. о неограниченной монархии в XV и даже XVI в., еще не приходится. Власть монарха была ограничена другими органами раннефеодального государства, прежде всего Боярской думой» [9, с. 88].

Е. В. Климов, изучавший титулатуру правителей Древней Руси, установил: «В начальный период существования государства для общества и правителя титульная иерархия не имела особого значения». Титул «великий» впервые появляется в русско-византийском договоре 944 г.: «...к царскому титулу византийского правителя добавили приставку “великий”, такую же, как и в титуле князя Игоря: “...великий князь Руский и бояре его да посылають на то въ Греки к великим царемъ Грецким...”. Договаривающиеся стороны здесь равны, несмотря на разные титулы» [10, с. 153–154]. В этот период в летописях употребляются такие титулы, как: князь, великий князь, царь, каган – практически в одинаковом смысловом значении¹. Е. В. Климов пришел к вполне обоснованному выводу о том, что «...в домонгольский период для русского общества в целом, и для правящей элиты в частности, четкой иерархии титулов не существовало. Все титулы – “император”, “царь”, “хакан”, “король”, “князь” – были равны» [10, с. 157]. Термин «самодержец» непосредственно в титулатуру правителей того времени не включался. Но иногда он появлялся, в основном для обозначения самостоятельности и суверенности того или иного князя или защиты им независимости своего княжества.

Та же ситуация сохраняется и в позднем Средневековье. Например, в «Повести о Темир Аксаке» (Тимуре) великий князь Василий I Дмитриевич назван *самодержцем* в связи с тем, что он не допустил осуществления злого замысла Темир Аксака русскую землю полонить «подобно новому Батыю». Василий I собрал большое войско, с которым двинулся к Ельцу, приказав всем «наместникам своим и властелям, и воеводам градским усилить укрепления и собрать всех воинов» [11, с. 235–236]. Кроме того, по совместному с митрополитом Ки-

¹ Иларион в «Слове о Законе и Благодати» называет князя Владимира I «каганом»: «...кагана нашей земли Володимира, внука старого Игоря...». В. Я. Дерягин переводит: «...великого государя нашей земли...» (Иларион. Слово о Законе и Благодати. М. : Столица : Скрипторий, 1994. С. 72–73). В данном случае эти титулы равнозначны, хотя в летописи «великий государь» появляется позднее. В другом случае В. Я. Дерягин оставляет слово «каган» без перевода.

прианом решению из Владимира доставили икону Владимирской Божьей матери, которую по прибытии в Москву весь народ молил о спасении Москвы от нашествия поганого Темир Аксака и избавлении [русского народа] от пленения врагами, от огня, и меча, и внезапной смерти [11, с. 237–238]. Когда же большое русское войско под командованием Василия I вышло навстречу Темир Аксаку, расположившемуся под Ельцом, то могущественный Темир Аксак, увидев наше великое войско, «убоялся» и отказался «воевать Русскую землю». В результате «...город наш Москва цел и невредим остался, а Темир Аксак – царь возвратился назад и ушел в свою землю» [11, с. 239]. Таким образом, великий князь Московский Василий I своими усилиями и по милости Богородицы спас страну от нашествия страшного железного хромца – Тимурленга.

Великий Московский князь Василий II в длительной кровопролитной междоусобной тридцатилетней войне победил своих соперников – претендентов на Московский престол (князей Дмитрия Шемяку, Василия Косого и Дмитрия Красного), в связи с чем летописец назвал его «Богомъ вразумляемым великодръжавнымъ Василием Васильевичем, въ благочестии цветущим царем всея Руси»², имея в виду распространение его власти на все входящие в состав Руси (на тот момент) земли.

Московский великий князь Иван III благодаря продуманному стратегическому плану добился полной победы над ханом Ахматом (без сражения) во время великого противостояния русского и ордынского войск по обоим берегам р. Угры (1480 г.), освободив Россию от зависимости от Орды; он же проявил недюжинные таланты и блестящий ум, сумев «...всего за два с небольшим десятка лет, 60–80 гг. в XV веке, превратить великое княжество Московское... в Русское государство, князья [которого] становятся государями всея Руси» [12, с. 121]. В это время летописец начинает употреблять термин «самодержец» применительно к великому князю, но не «довольно систематически», как полагает Е. Г. Рабинович [13, с. 705], а в единичных случаях, когда считает необходимым подчеркнуть, самостоятельность и независимость власти великого князя, показав, что он является суверенным правителем всей подвластной ему территории. Во всех остальных случаях летописец систематически называл его просто великим князем³.

Сына Ивана III – Василия III летописцы тоже постоянно называли «великим князем всея Руси» или просто «великим князем»⁴. Но когда Василий III отвоевал у Литвы «искони русскую землю... свою отчину и дедину» и вошел «съ своею братьею, и зъ бояры, и съ всеми вьведоды и съ розными чины съ великою славою въ град Смоленск» и был встречен всеми смолянами во главе с епископом смоленским Варсонофием, тот, обратившись к нему с приветственным словом,

² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб. : Археогр. комис., 1859. Т. VIII. С. 109.

³ ПСРЛ. Т. VIII. С. 175, 178, 179, 182–183, 185, 200, 204 и др.; иногда делается прибавка: «господине государь великий князь». С. 187–188. Однако ни в переговорах с Казанью, ни при разрешении «брани в Кирилове монастыре... меж митрополитомъ Геронтиемъ и Вассианомъ архиепископомъ Ростовскимъ о Кирилове монастыре» летописец называет Ивана III не «самодержцем», а только «великим князем».

⁴ ПСРЛ. Т. VIII. С. 245, 246, 247, 249 и т. д. Причем титулатура не менялась и при сообщениях о переговорах с иностранными послами (см., например, с. 249–250: переговоры великого князя Василия Ивановича с королем Литовским Жигмонтом).

сказал: «Божией милостию радуйся и здравствуй, преславный царю Василей, великий князь, вся Руси самодержец, на своей отчине и дедине града Смоленска на многая лета»⁵. В данном случае главное внимание летописца было сосредоточено на отвоевании Василием III у Литвы и присоединении к России издревле принадлежащих ей смоленских земель с городом Смоленском. Нет никаких оснований считать, что он называет термином «самодержец» единоличное всевластие великого князя.

Необходимо также учитывать и тот факт, что великие московские князья в XV–XVI вв. полным всевластием не обладали (как и их предшественники в Древней Руси⁶). При Иване III все серьезные решения в стране, в том числе введение новых законов, принимались по обычаю всей общей думой с утверждения государя: «По государева и великого князя указу и по боярскому приговору» [14, с. 13]. В Судебнике 1550 г. этот обычай был возведен в закон, которым Думе официально присваивались законодательные полномочия: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех боар приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати»⁷.

Великий князь Иван IV Васильевич, официально принявший титул царя в 1547 г., первым стал развивать мысль о самодержавии как о полной независимости царской власти не только от «советников», но и вообще свободной во всех своих действиях. Однако «на деле царь Иван не был государем, каким хотел вообразить себе самодержца» [15, с. 20–21]. К тому же в то время «воззрения на власть государя как на власть абсолютную не сложились еще в Московском государстве» [15, с. 21–22]. В стране существовала Боярская дума с совещательными и законодательными полномочиями, а с середины XVI в. начали собираться Земские соборы, на которых разрешались все важнейшие для страны социальные, экономические, политические и международные проблемы. Первым стал Земский собор 1549 г., за которым последовала череда других, более расширенных представительных соборов, обусловивших становление в России сословно-представительной монархии как формы правления, просуществовавшей целое столетие [16, с. 14–88; 17, с. 55–91].

Однако в отношении термина «самодержавие» есть и другие соображения, препятствующие его пониманию в значении сосредоточения всевластия в руках правителя. Для более полного обоснования необходимо выяснить несколько вопросов: как и когда появилось слово «самодержавие» в русском языке, каковы его морфологический состав и этимология?

Р. Г. Скрынников утверждает, что слово «самодержец» является дословным (калькированным) переводом греческого слова «автократор», пришедшего на Русь из Византии, став основным переводом слова «самовластец» [18, с. 79].

⁵ ПСРА. Т. VIII. С. 255–256.

⁶ Великий Киевский князь, как и князья земель, зависел в принятии решений и своей деятельности от совета, в который входили наряду со старшей дружиной еще и «старцы градские», и, безусловно, от решения веча, с которым, чтобы удержаться у власти, князю необходимо было быть в «одиначестве».

⁷ Судебник 1550 г. // Судебники XV–XVI веков / подгот. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина; коммент. А. И. Копанева, Б. А. Романова, Л. В. Черепнина; под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 176.

Начнем свои возражения против такого перевода, во-первых, с синонимического употребления слов «самодержец» и «самовластец». Как видно из материалов, собранных И. И. Срезневским, свобода воли есть величайший дар Всевышнего человеку, воспринявшему учение Иисуса Христа и следующему Его Заветам в своем поведении. Дар этот сопровождался возложением на него ответственности за все свои действия. Если он будет употреблять свою свободную волю, «двигаясь к добру» и совершая «доброделания», то «Бог, да введет его в рай»⁸, если же он не будет творить «доброделания» или еще хуже – станет стремиться «ко злу», то Божественный дар с него «свлекается» и он за свое «злодеяние» понесет ответственность перед Богом (по смерти на Страшном суде) и людьми – на земле, т. е. перед гражданскими властями. От свободы воли христианское учение отличает отсутствие «самовольства» (произвола), определяемого как «корень грехов нам самовольство есть»⁹.

Во-вторых, нам представляется, что слова «самодержец» и «самодержавие» вообще **не византийского, а древнеславянского происхождения**, так как каждое из них состоит из двух слов: самъ и държу, с прибавлением суффикса ава – самодержавие (стар. самодържъство). По своему смысловому содержанию и морфологическому составу они восходят, скорее всего, к старославянским языкам: славянскому – дрѣжава, русск. и укр. – держáва, «государство», белор. – дзяржа́ва, болг. – държа́ва – «государство», сербохорв. – др̀жава, словенск. – držáva, словацк. – dŕžava, чешск. – država, польск. – dzierżawa¹⁰.

К вышеприведенным возражениям против перевода слова «автократор» как самодержец следует добавить еще одно: первое слово – авто, переведенное с греческого как сам, воспринимается при таком переводе без учета его сложной семантической эволюции, ибо, как убедительно доказал филолог М. Н. Саенко, «...первоначальным значением слова “sam” в греческом языке было – “тот же”, а “сам” в значении – “один” (alone) появилось позже». В качестве примера М. Н. Саенко привел греческий текст Илиады XII: 225: «οὐ κόσμῳ παρὰ ναῦφιν ἐλευσόμεθ' αὐτὰ κέλευθα» («но от судов не в устройстве мы тем же путем возвратимся» (выделено М. Н. Саенко) [19, с. 86–87, 90]¹¹. Второе слово crato означает власть, а не государство, поскольку государство у древних греков называлось Πολιτεία (Платон), а не crato.

К семантическим изысканиям М. Н. Саенко добавим мнение И. И. Срезневского относительно первоначального значения слова «само» в древнерусском языке: само-семо – сюда; само и онамо – туда и сюда, во все стороны; само и

⁸ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1903. Т. III. Стб. 247.

⁹ Там же. Стб. 248.

¹⁰ Интернет-словарь Макса Фасмера в русском переводе. Т. 4. 1964–1970. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/vasmer/38985/%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D0%B2%D0%B0> (дата обращения: 20.12.2024).

¹¹ М. Н. Саенко в своем семантическом исследовании пришел к выводу «согласно которому *sems изначально выступало в роли числительного`unis`, а *HoiHs было местоимением`solus`. Попытки приписать им значение вроде`one-alone` и`one-together` необоснованны и базируются на неполном учете данных словообразования. Исконная семантика этих лексем сохранилась в старославянском, французском и греческом языках.

само – туда и сюда; само – очень «тобѣ здѣсе не само много быти, а того дѣла тобѣ вскорѣ не лзѣ управити»; самовидец – очевидец, свидетель¹². Варианты «сам» в значении – «один» (alone) [19, с. 89] относительно греческого языка отсутствуют и у И. И. Срезневского в древнерусском языке, на что он также обратил внимание.

Однако все эти соображения не учитываются многими современными исследователями, принимающими только положение о том, что термин «самодержавие» в качестве калькированного перевода византийского слова «автократор» всегда употреблялся на Руси и в Византии в значении всевластия, т. е. абсолютной власти Правителя; к тому же с восприятием его еще и как фактора формирования монархического сознания, якобы издавна присущего русскому народу [20, с. 5, 10; 21, с. 15]. Даже известные историки В. Б. Кобрин и А. А. Юрганов назвали свою статью «Становление *деспотического самодержавия* в средневековой Руси» (курсив наш. – Авт.), заявив, что в заглавии они обозначили историческую проблему, находящуюся «сегодня в центре внимания научных споров» [22, с. 54]. Истоки «деспотического самодержавия» авторы статьи обнаруживают в раннем Средневековье и, проведя их через века, констатируют их полную реализацию при Иване IV Грозном [22]¹³. В статье отсутствуют какие-либо оговорки об исторической и современной этимологии термина «самодержавие» и обозначаемого им понятия. Формулу «деспотическое самодержавие» авторы вообще не раскрывают, в том числе не указав, что входящее в ее состав слово «деспот» в раннее Средневековье имело совершенно другое смысловое значение: «...первоначально со времен Юстиниана I (482–565; император 527–565), один из титулов византийского императора, затем, с 60-х гг. XII в., второй титул в империи между автократором и севастократором. Титул деспота получали сыновья и зятья императоров, цари Болгарии, короли Венгрии и Сербии...»¹⁴ (курсив наш. – Авт.). Только в Новое время слово «деспот» приобретает другую этимологию, начав употребляться в качестве синонима слову «тиран». Так что остается непонятным, как понимается в вышеуказанной статье формула «деспотическое самодержавие», к каким историческим этапам в государственном строительстве России допустимо ее применение и возможно ли вообще такое словосочетание.

Термин «**тиран**» в Древней Греции, Риме и Византии воспринимался и, соответственно, применялся неоднозначно. В Византии тиранами в большей степени называли лиц, незаконно узурпировавших верховную власть, в от-

¹² См.: Срезневский И. И. Указ. соч. Стб. 245.

¹³ Такие работы не единичны. Например, Н. Ш. Коллманн утверждает, что идея самодержавия «доминирует в большинстве современных интерпретаций» Московской Руси (примеры таких «интерпретаций» не приводятся), самодержцы в лице московских правителей появились с конца XV и в XVI в., а «принятие Петром I европейской риторики абсолютизма на рубеже XVIII в. и последующий культ Петра обеспечивали сохранение темы *могущественного самодержавия* (где и кем разрабатывалась такая тема, кроме царя Ивана Грозного, не указывается...) и рабского общества на протяжении всего этого столетия» (курсив наш. – Авт.). В качестве подтверждения данного тезиса приводится обширная ссылка на иностранные работы 70–90-х XX столетия [23, с. 278, 280 и сноска № 19 на с. 280–281].

¹⁴ Византийский словарь (далее – ВС) : в 2 т. / сост., общ. ред. К. А. Филатова. СПб. : Амфора : РХГА : Изд-во Олега Абышко, 2011. Т. 2. С. 285.

личие от добровольно избранных или получивших ее по наследованию претендентов. В XI–XII веках «тираническим» называлось любое правление, полученное путем незаконного захвата власти: посредством мятежа, обмана, заговора и убийства, а человек, незаконно захвативший власть, именовался тираном независимо от того, какими методами и способами он эту власть реализовывал¹⁵.

Но иногда все-таки слово «тиран» в нашем современном значении характеризовало жестокое и незаконное управление людьми властвующим лицом. В этом случае речь шла скорее о государственном режиме, нежели форме правления, поскольку тираном в этом смысле мог оказаться правитель, находящийся во главе как республики, так и монархии. В Новое время слова «деспот» и «тиран» стали употреблять в качестве синонимов со значением бесчеловечного, злодейского, авторитарного, насильственного властвования. Поэтому при исследовании необходимо выяснять, в каком значении использовался термин «тиран» применительно к тем или иным историческим условиям.

Выше мы показали, что никакого самодержавия в современном значении этого слова (абсолютная верховная власть) не было в России как в раннее, так и позднее Средневековье. Тем более не было его и в Византии. Слово «самодержавие» вообще неизвестно византийской литературе, оно появилось в произведениях византийских мыслителей, писателей и публицистов исключительно благодаря переводу с греческого на русский язык терминов «автократор» как «самодержец», «автократия», соответственно, как «самодержавие», а все василевсы стали именоваться «самодержцами»¹⁶. Между тем термин «автократор»

¹⁵ Так, известная нам из школьных учебников и исторических монографий Нового и Новейшего времени «тирания Писистрата» по представлениям его современников таковой вовсе не являлась. Аристотель называет Писистрата «наиболее рьяным приверженцем демократии» (VI. 14). Поскольку Писистрат трижды незаконно захватывал власть в Афинах, то воспринимался как тиран. Однако, завадев верховной властью, он не менял ее существующей организации, действующих законов, не лишал никого прежних должностей и имущества. По мнению древних историков, Писистрат управлял Афинами [особенно в третий, наиболее длительный период нахождения его у власти (546–527 гг. до н. э.)], сохраняя как иерархию чинов в центре и на местах, так и все республиканские политические институты и учреждения. Аристотель утверждал, что Писистрат руководил государственными делами «...с умеренностью и скорее в духе гражданского равноправия... Он был вообще гуманным и кротким человеком, снисходительным к провинившимся; бедных он даже снабжал вперед деньгами на сельские работы, чтобы они могли кормиться, занимаясь земледелием», во время своего правления «...всегда обеспечивал мир и поддерживал спокойствие. Вот почему и говорили часто, что “тирания Писистрата – это жизнь при Кроне” [древнее понятие о «Золотом веке», когда люди жили вместе с богами]... Но самым важным из всего сказанного было то, что он по своему характеру был демократичным и обходительным человеком. Во всех вообще случаях он хотел руководить всеми делами по законам, не допуская для себя никакого преимущества» [24, с. 24–26]. При таких характеристиках самого Писистрата и его правления о «тирании» в современном понимании этого термина говорить не приходится.

¹⁶ Современный Византийский словарь дает неоднозначное определение слову «автократор». В первом томе «автократор» определяется как «самодержец, греческий аналог латинского титула “император”» (ВС. Т. 1. С. 42). Во втором томе со-

далеко не всегда применялся только к василевсам, он мог вручаться военным стратигам, которым Синклит поручал руководство той или иной масштабной военной операцией; его давали также победившим в том или ином значимом сражении полководцам, а избранного правителя в Византии вообще было принято называть василевсом.

Историк Кассий Дион, живший в III в. н. э., сообщил, что звание «император» Октавиан Август (он называет его Цезарем) получал неоднократно, а в свое пятое консульство единолично был удостоен его в седьмой раз. Однако переводчик «Римской истории» Диона Кассия А. В. Махлаюк утверждает, что Кассий Дион на сей раз ошибся, ибо тогда же одновременно с Октавианом был провозглашен императором за воинские заслуги и Марк Красс, о чем свидетельствуют сохранившиеся греческие надписи, в которых он именуется автократом [27, с. 57], т. е. надо понимать, что такое звание могли получить сразу несколько отличившихся в сражениях военачальников¹⁷. Кассий Дион сообщает далее, что звание императора «...согласно древнему обычаю присваивалось военачальникам за добытые ими победы, его он (Август) неоднократно получал за свои подвиги и раньше, и впоследствии, так что двадцать один раз провозглашался императором» [27, с. 107; 28, с. 12]. Далее Дион поясняет, что он «имеет в виду другое» [звание], то, «...которое означает обладание высшей властью и было присвоено его отцу Цезарю, его детям и потомкам» [27, с. 107]. Таким образом Дион, обращаясь к читателям, просит их не путать двоякое значение звания «император». Сам Август категорически запретил употреблять в отношении себя такие слова, как «царь, монарх и даже господин», объявив себя только первоприсутствующим в Сенате, т. е. «*princeps senatus*» [25, с. 95]. При нем сохранялся выборный Сенат, куда могли быть избраны люди из всех сословий, с учетом их нравственного облика, образованности и деловой характеристики; на Сенате обсуждались все серьезные вопросы, касавшиеся государства, и принимались законы. Кроме того, при Августе был учрежден еще и Совет сроком на полгода, члены которого избирались по жребию на заседаниях Сената. Сохранялись выборные и срочные высшие должности в государстве: консулов, народных трибунов и судей всех рангов. Консулам и трибунам выбирались также по два помощника (товарища).

общается: «Севастократор – один из важнейших титулов в византийской классификации, который получали ближайшие родственники императора. Образован сложением титулов “севаст” и “автократор”, введен в употребление императором Алексеем I Комнином. <...> Первоначально был главным титулом после императорского, выше чина кесаря, но впоследствии, в XIII веке, уступил место в табели о рангах деспоту» (курсив наш. – Авт.) (ВС. Т. 2. С. 277).

¹⁷ Подобный пример приводит И. Ш. Шифман: в 43 г. до н. э. в борьбе против Антония (объявленного врагом республики) в битве вокруг Мутины выступал Октавиан во главе республиканского войска в звании пропретора с «наделением его чрезвычайным империем» (курсив наш. – Авт.) совместно с двумя консулами – Авлом Гирцием и Гаем Вибием Пансой. «У Гальского Форума состоялось ожесточенное сражение, в котором войска Антония были разбиты, а консул Панса получил смертельное ранение. Вскоре он умер в Бононии. На следующий день солдаты провозгласили обоих консулов и Октавиана императорами» [25, с. 51–53]. См. также: [26, с. 166–169]. Именно на такое неоднозначное применение звания «император» обращал внимание своих читателей Дион Кассий.

Кроме ранее существующих должностей Августом были установлены еще и новые. Светоний полагает, что он ввел их для того, «чтобы больше народу участвовало в управлении государством». Он учредил «...новые должности: попечение об общественных постройках, о дорогах, о водопроводах, о русле Тибра, о распределении хлеба народу, городскую префектуру (Рима и всех городов в провинциях), комиссию триумвиров для выборов сенаторов... после долгого перерыва назначил цензоров, число преторов он увеличил...»¹⁸. При Августе все должностные лица избирались «собранием граждан на Марсовом поле», и только при Тиберии избирать судей стали сенаторы [28, с. 15].

Как представлял себя сам Август, можно узнать из надписи от первого лица, высеченной на камне в греческой и латинской версиях, найденной в 1555 г. в Анкаре на стенах местного храма Рима и Августа и в Аполлонии (Писидия в Малой Азии) на платформе, где установлены статуи Августа, Тиберия, Ливии, Германика и Друза:

«5. 1. Диктатуру, дававшуюся мне и в мое отсутствие, и в моем присутствии и народом, и сенатом, когда консулами были Марк Марцелл и Луций Аррунций, я не принял. 2. Я не отказался при крайней недостатке пищи от заботы о продовольствии и этим так распорядился, что за немного дней все государство на свои средства и своею заботой от страха и существовавшей тогда опасности я освободил. 3. Консульство, тогда мне предложенное, годичное и постоянное, я не принял.

6. 1. ...по общему согласию сената и римского народа я был единственный избран попечителем законов и нравов с высшей властью. Никакой должности, дававшейся вопреки отеческим обычаям, я не принимал. 2. То, что тогда сенат через меня совершить желал, я выполнял, пользуясь трибунской властью. И в самой этой должности коллегу сам по своей воле у сената просил и принимал...

7. 1. Триумвиром для устройства государства я был непрерывно десять лет. 2. Первоприсутствующим в сенате я был до того дня, когда писал это, в течение сорока лет...

8. 1. Число патрициев я увеличил, будучи консулом в пятый раз, по велению народа и сената...

32. 3. Многие другие народы испытали верность римского народа, когда я был первоприсутствующим, у которых прежде с римским народом не было никаких посольских и дружеских отношений...

34. 1. В шестое и седьмое консульство, после того как Гражданские войны я погасил, с общего согласия став верховным властелином, государство из своей власти я на усмотрение сената и римского народа передал. 2. За эту мою заслугу постановлением сената я был назван Августом, и лаврами косяки моего дома были покрыты всенародно, и гражданский венок над моей дверью был закреплен, и золотой щит в Юлиевой курии был поставлен, надпись на каковом щите свидетельствует, что его сенат и народ римский дали за мужество, милосердие, справедливость и благочестие. 3. После этого времени я превосходил всех ав-

¹⁸ М. А. Гаспаров в Послесловии к изданию труда Светония отмечает, что наиболее подробно у него представлена глава, посвященная Октавиану Августу. Сопоставляя Цезаря (Гая Юлия) и Августа, Светоний противопоставляет «тираническим устремлениям Цезаря республиканские идеалы Августа» [29, с. 276], отмечая, что для Светония именно «система Августа все-таки оказалась самым приемлемым вариантом и самым желательным образцом» [29, с. 266–267].

торитетом, но власти имел не больше, чем другие, кто были у меня когда-либо коллегами по должности.

35. 1. Когда тринадцатое консульство я исполнял, сенат и всадническое сословие, и весь римский народ называли меня отцом отечества, и чтобы это было записано в вестибюле моего дома и в курии Юлиевой, и на Августовом Форуме под квадригами, которые мне по постановлению сената поставлены, указал. Когда я это писал, мне шел семьдесят шестой год» [25, с. 190–191, 198].

Наконец, о каком самодержавии, причем в современном значении этого термина, можно говорить применительно к Византии? При византийском императоре (василевсе) всегда существовал Синклит, и его наличие никогда не только не оспаривалось, но даже и не подвергалось никаким сомнениям; обсуждался лишь вопрос о правильном подборе в него синклитиков – думцев. Подобная ситуация вообще исключает характеристику такой формы правления как «самодержавную», соответственно, и носителя верховной власти в качестве «самодержца» (и в историческом, и современном значении этих терминов). Сосредоточение всей полноты власти безраздельно в руках императора в понятие «автократор» в Византии, считающей себя частью Римской империи, никогда не включалось, поскольку ее граждане – ромеи (греческий вариант слова «римляне») старались воспроизводить у себя римскую политическую организацию общества: римский Сенат в Византии преобразовался в Синклит, выполняя те же функции, что и Сенат в Риме.

В византийских «княжеских зеркалах» при изложении принципов организации и деятельности верховной власти обычно подчеркивалась роль постоянного высшего советного органа при василевсах – Синклита. О таких советах и их роли и значении было сказано в «Наставлении» (Поучении) Агапита, считавшего, что «премудрейший Государь, полезное государству твоему [должен] изыскивать... при содействии благоразумнейших советников и усерднейших молитв» [30]. Подбирать своих советников государю следует осмотрительно, ибо, «приняв от Господа царство мирское, не определяй к управлению делами людей порочных, потому что за все преступления, которые они сделают, Богу отвечать будет тот, кто дал им власть. Итак, избрание лиц к должностям должно производимо быть с великою осмотрительностью» (VI в.) [30]. Позитивно этот вопрос изложен в «Послании Константинопольского патриарха Фотия к болгарскому князю Михаилу» (IX в.), где утверждалась необходимость существования постоянного Совета при Правителе: «...всякого деяния совет да предваряет... Яко убо руце многих и многи не съделаша, сиа совет един и единою съдействова, тем же благосоветие предпочитай многоручиа» [31, с. 117].

Совет при носителе верховной власти в глазах всех византийских авторов не только в V–X вв., но и последующих веках, вплоть до завоевания Византии Османской империей в 1453 г., был привычным, издревле присущим совещательным и законодательным органом – Синклитом, почитаемым всеми византийскими историками и хронистами, независимо от того, были ли они членами Синклита, как, например, Михаил Пселл, Михаил Атталиат и Иоанн Скилица, или лицами, тесно связанными с правительственными кругами по должности, как Лев Диякон, или вообще находились вне Синклита и правительственных кругов, как, например, военный стратиг Кекавмен, или даже анонимным коллективом, объединившимся под псевдонимом «Продолжателя Феофана», причем авторство пятой книги «Жизнеописание Василия» при-

писывалось императору Константину VII Багрянородному (945–959 гг.) [32, с. 218].

Михаил Пселл даже считал, что гибель Синклита будет означать гибель каждого гражданина: «погублен Синклит, и каждый желающий [жить в государстве] гражданин» [33, с. 109]. Пселл описывает состав Синклита: совет, в который входило избранное сословие, затем чины второй и третьей степени, что позволяет предположить наличие определенной структуры в этом органе и, вероятно, процедуры обсуждения и принятия решений¹⁹. Он выражает недовольство введением Константином IX в Синклит людей «без рода и племени», «с улицы», утверждая, что этот император «...чуть ли не весь рыночный сброд причислил к синклиту, причем даровал эти милости не каким-то отдельным личностям, но всех скопом одним указом возвел на самые почетные должности», получив большое одобрение всего народа, устроившего по этому поводу «...тогда торжества и празднества, и весь город ликовал, радуясь тому, что к власти пришел самый щедрый царь, и настоящее казалось куда лучше прошлого» [33, с. 79]. Данный текст свидетельствует о том, что во времена жизни Пселла в Константинополе действительно были демократические порядки и состав Синклита не был полностью аристократическим, поскольку в него, по словам историка – современника событий, весьма свободно попадали люди «с уличных перекрестков» и даже «с рынка». Василевсом вполне мог быть избран крестьянин из Македонии (Василий I), и это далеко не единственный случай, когда люди «из низов» в результате выборов становились василевсами Византии.

Об активном участии всех сословий византийского общества в политической жизни государства свидетельствует и Лев Диакон. М. Я. Сюзюмов ссылается на мнение этого писателя «...о политическом влиянии столичного населения – о ремесленниках, торговцах, к которым присоединялся и плебс», считая, что «Лев Диакон вовсе не склонен преуменьшать их роль в развитии событий; нередко он даже придавал ему значение решающего фактора» [34, с. 139].

Синклит как высший законодательный и совещательный орган государства Михаил Пселл поддерживал в течение всей своей тридцатилетней службы в должности бессменного первого советника восьми императоров. Он утверждал, что верховная власть в Византии **«держится на трех опорах: народ, синклите и войске»** (выделено нами. – Авт.) [33, с. 137], перечисляя их значимость именно в таком порядке. Г. Г. Литаврин утверждает, что Михаил Пселл и Михаил Агталаит были за единоначалие, понимая при этом термины «единоначалие», «самовластие», «единовластие» и «самодержавие» как синонимы, причем в их современном, а не историческом значении, которое они на самом деле получили только в Новое время, а широкое распространение – уже в Новейший период. Вряд ли можно согласиться с Г. Г. Литавриным, утверждающим, что термин «демократия» почти безраздельно употреблялся византийцами в негативном смысле: «демократия» стала синонимом беспорядка, а «демократ» – определением «виновника беспорядка», что «почти безраздельно исходное значение этих понятий мыслится несовместимым с авторитарно-хри-

¹⁹ Я. Н. Любарский в Примечаниях к Хронографии Михаила Пселла сообщает, что «все византийское чиновничество было разделено на четыре класса. В состав Синклита, помимо носителей высших титулов (кесаря, новелисима и др.), входили также чины первого класса (протоспафарии и ниже). Чины второго класса – спафарокандидаты, третьего – спафарии» [33, с. 276].

стианским менталитетом византийцев» [35, с. 148–149]²⁰. Далее в этой же статье Г. Г. Литаврин пишет, что Пселл и Атталиат – самые крупные мыслители эпохи – не исключали «...положительной роли демократии, если не как системы правления, то как возможного казуса, эпизода в критических для империи обстоятельствах» [35, с. 156], а в другой своей работе отмечает: «Теоретически Пселл безусловный сторонник демократической формы правления, о чем он прямо пишет в своей Хронографии» [36, с. 89]²¹. На демократические взгляды Михаила Пселла по ряду вопросов, касающихся социальной и политической жизни общества, обращал внимание и Я. Н. Любарский, отмечая, что политический идеал Пселла – «своеобразное ограниченное самодержавие» [32, с. 205, 208, 210, 213], явно употребляя термин «самодержавие» в понимании монархии как таковой. При этом автором не учитывается то, что никакое ограничение самодержавия невозможно даже теоретически, поскольку в этом случае власть вообще перестает быть самодержавной.

Кроме Синклита в Византии, как и в Риме, имелся разветвленный аппарат чиновников, многие должности в котором носили выборный и срочный характер. Сам василевс мог быть как избранным, так и наследственным – эта ситуация не получила отражения в византийских законах. Каждый избранный василевс хотел не только удержаться в этой должности, но и закрепить свою династию, однако практически никому из них не удалось закрепиться династически на долгое время: наследственные (багрянородные) василевсы чередовались с избираемыми носителями верховной власти. Михаил Пселл, по-видимому, понимал, что наследственная власть и законный порядок воцарения не являются гарантией от возможного введения тем или иным ее носителем тиранического государственного режима, поэтому, будучи советником императора, он прилагал все свои усилия не к сохранению наследственного порядка царствований, а к упрочению значения и роли Синклита при любом носителе верховной власти.

Данте Алигьери (1265–1321), восхваляя форму правления при Августе, одним из первых обратил внимание на смысловую связь между терминами «мо-

²⁰ Следует отметить, что «демократия» – это не форма правления, а политический режим. Судя по высказываниям Михаила Пселла и Михаила Атталиата, оба они были сторонниками республики с демократическим государственным режимом: глава – василевс, избранный и ответственный перед синклитом, народом и армией, рассматривался ими как носитель высшей должности в государстве, опирающийся на Синклит и разветвленный государственный аппарат, обеспечивающий определенный уровень централизации: подчинения и соподчинения, учитывая огромные территориальные пространства Византии. В значительной степени, в качестве идеальной формы правления и ее идеологического обоснования, за образец принимался республиканский Рим, особенно принципат Августа, время нахождения которого у власти в качестве «первого среди равных» они, как и впоследствии Данте Алигьери, считали наилучшей формой политической организации общества.

²¹ Как мы отмечали выше, Пселл был сторонником республиканской формы правления с демократическим политическим режимом. Форма правления могла быть монархической или республиканской, но и при каждой из них могли быть разные политические режимы: демократический, олигархический и даже охлократический (Полибий).

нархия», «империя» и обозначаемыми ими понятиями, пытаясь определить их взаимодействие. Он писал: «светская монархия, называемая обычно империей», или «светская монархия, обозначаемая более привычным словом “империя”», или «монархия, или единственная власть, именуемая империей» [37, с. 305–306, 309, 311], подразумевающая под империей территориальное устройство государства, а не форму правления, которой вполне могла быть республика. Главными задачами такого государства Данте считал: 1) реализацию справедливости во всех сферах его деятельности; 2) мирное сосуществование внутри и вовне («всеобщий мир есть наилучшее из того, что создано человечеством»); 3) наличие «правого суда», способного искоренить все раздоры между населяющими его людьми [37, с. 308, 313].

Современный американский ученый Э. Калделлис повторил мысль, высказанную Данте, с некоторыми разъяснениями: «Под “империей” в отношении Византии я подразумеваю, что она управлялась правителем, которого мы традиционно называем императором, в действительности монархом – *basileus* римлян. Другими словами, в моем применении “империя” означает “монархия”», – дословно повторил Э. Калделлис определение Данте [38, с. 19].

В начале XX в. русский, а затем и советский ученый В. Е. Вальденберг отметил, что в отношении определения формы правления Византии в науке «царит большое разнообразие мнений... Одни определяют Византийское государство как деспотию, другие – как неограниченную монархию; третьи – как монархию ограниченную; некоторые находят возможность говорить о дуархии... Одни находят, что император был ограничен сенатом, другие – что его ограничивали традиции и обычаи, третьи – что ограничивающим моментом была церковь, и т. п.» [39, с. 341]. В. Е. Вальденберг не соглашается ни с одной из этих формулировок и предлагает назвать византийскую форму правления **монархией демократической**, видящей свое основание в воле народа [39, с. 354]. Но при этом он считал, что «демократическое обоснование императорской власти было не единственным, кроме него мы находим в источниках и теократическое обоснование». В дальнейшем, утверждает В. Е. Вальденберг, в принятых императорами Новеллах **«нет демократического обоснования власти, а одно только теократическое»** (курсив наш. – Авт.) [39, с. 356–357].

Э. Калделлис, проведя анализ всех институтов византийской формы правления, в отличие от В. Е. Вальденберга посчитал, что формой правления в Византии за весь период ее существования была *республика, а не монархия*. Опираясь на произведения византийских писателей, он пришел к выводу, что среди них отсутствуют теоретические положения, представляющие верховную власть как абсолютную, поскольку «...народ играл решающую роль в возведении и иногда в свержении императора... народ почти во всех случаях являлся первостепенным фактором в политической жизни Византийской республики» [38, с. 187]. Такая ситуация позволила исследователю называть византийский народ (ромеев) сувереном. «Ясно, что здесь мы имеем дело с политическим полем, фундаментальная и предшествующая идеологическая конструкция которого была республиканской, а на нее была наложена теократическо-риторическая» [38, с. 269]. Определение Э. Калделлиса в некоторой степени согласуется или, возможно, даже частично заимствуется у В. Е. Вальденберга, настаивающего на введении «теократии» в определение формы правления в поздней Византии. Но, в отличие от Э. Калделлиса, у В. Е. Вальденберга в этом определении сохраняется «монархия». Соглашаясь с первой частью определения, данного Э. Кал-

деллисом, мы не можем принять добавления к ней «теократическо-риторической» идеологии по следующим основаниям.

Во-первых, понятие «теократия» изначально определялось двухчастным составом этого сложносочиненного слова: Бог и власть, означающим, что Бог безраздельно *властвует* в созданной Им вселенной, не имея никого равного Себе Самому. Вряд ли люди, жившие в Средние века, решились бы переносить эту всепоглощающую Божественную функцию на какое-либо другое, тем более мирское лицо, причем в абсолютном значении.

Во-вторых, не может оправдать «теократическое обоснование власти» и ссылка на распространенное в христианской религии утверждение о том, что все власти от Бога и, следовательно, возможно на этом основании считать, что «избранный народом император рассматривается как получивший власть от Бога» (В. Е. Вальденберг). От Бога, согласно христианскому вероучению, происходит все в сотворенной Им Вселенной, например победа в войне той или иной из воюющих сторон, всякие положительные и отрицательные события: стихийные бедствия, потопа, землетрясения, эпидемии и т. п., но они не считаются теократическими.

Кроме того, следует отметить, что в византийском обществе получили распространение и другие теории о происхождении политической власти в человеческом обществе. Например, Иоанн Зонара, следуя Аристотелю, большое внимание уделял естественным причинам, «трансцендентные силы отодвинуты на второй план» [40, с. 190, 191]. Тенденция к рациональному осмыслению истории, интерес к реальным предпосылкам событий заметны также в сочинении Продолжателя Феофана. Михаилом Пселлом вся история возникновения и развития человеческого общества рассматривается одновременно и как проявление воли Всевышнего, и как следствие естественного развития.

Третье немаловажное обстоятельство, наверное, следовало бы поставить на первое место: сам вопрос о происхождении государства имеет **теологический**, а не **теократический** характер. Термин «теократия» возник и утвердился в науке отнюдь не для определения происхождения верховной власти, а для наименования одной из форм правления. В учебниках по теории государства и права теократия определяется, например, как «...особая разновидность абсолютных монархий... в которых государственная и религиозная власть сливаются воедино. Монарх одновременно выступает и главой государства, и главой церкви, выполняя функции государственного и религиозного лидера»²². К числу современных теократических форм правления отнесены не только монархии, но и республики. Если «во главе государства находится религиозный лидер, а государственная власть осуществляется в соответствии с религиозными предписаниями. Например, в Исламской Республике Иран глава государства – высший руководитель является духовным лидером страны, защитником-богословом, определяющим общую политику государства, обладающим огромными полномочиями (к компетенции высшего руководителя отнесено назначение должностных лиц на ключевые позиции системы государственного управления)»²³.

В-четвертых: еще одно возражение против якобы господствующей в византийском обществе «теократической» идеологии. Византийские писатели XI–

²² Теория государства и права : учеб. / под ред. В. В. Ершова, отв. ред. Т. В. Владова, Т. С. Лесовая. М. : РГУП, 2023. С. 92–93.

²³ Там же. С. 95–96.

XIII вв., оценивая деятельность своего василевса за время его царствования, не ставили свою оценку в зависимость от религиозности самого властителя, а также от выполнения (или невыполнения) им правил, соответствующих этическим и обрядовым нормам поведения, предусмотренным православной конфессией христианского вероучения. Например, в «Продолжателе Феофана» автор (или авторы), анализируя плюсы и минусы императорства Льва V (813–820) – иконоборца, отметил(и), что, с одной стороны, он был злодеем и нечестивцем, «отличался жестокостью и, как ни один из предшественников, – нечестием» [41, с. 21]. Но, с другой стороны, было обращено внимание и на положительные качества этого «нечестивого императора», который, «...болея честолюбием, принялся за государственные дела: словно оса, никогда не расстающаяся со своим жалом, он сам упражнял свое воинство, во многих местах Фракии и Македонии собственными стараниями возвел от основания города, объезжал земли, дабы вселить страх и ужас во врагов. Потому-то, как рассказывают, и сказал после его кончины святой Никифор, что не только злодея, но и рачителя общего блага потерял город в его лице. Весьма волновался он о чинах и должностях, причем не только о гражданских, но и о воинских. Сам же он был выше сребролюбия и потому из всех предпочитал людей неподкупных и отличал всех по доблести, а не по богатству». Лев V был не чужд и правосудию, «...сам восседал в Лавсиаке и многие судебные дела рассматривал самолично» [41, с. 17]. Из содержания этой обширной цитаты очевидно, что анонимный автор (или авторы) данного высказывания не обладал(и) «теократическим мышлением», не оправдывал(и) злые дела императора божественным происхождением его власти. То же можно сказать и о Михаиле Пселле, допускавшем весьма нелицеприятную критику действий некоторых императоров в своей «Хронографии», совершенно не считаясь при этом с их божественным происхождением. Пселл даже позволил себе настоять на жестоком и позорном наказании отважного императора Романа Диогена, внушив Михаилу VII – своему воспитаннику, что Романа следует не только лишить трона, но и сослать, чтобы он никогда не смог претендовать на возвращение ему звания и должности василевса, хотя сам Пселл понимал, что злосчастную битву при Манцикерте, вменявшуюся ему в вину, Роман проиграл «из-за злонаправных советчиков» [33, с. 181, 187].

Возвращаясь к определению формы правления на Руси домонгольского периода, повторим, что существуют разночтения в определении ее от раннефеодальной монархии до республики с выборными высшими должностными лицами. Особенно ярко это проявляется в отношении периода политической раздробленности. Основания для этого исследователи находят в письменных свидетельствах: летописях, сочинениях различных авторов.

В период Киевской Руси со времен Святослава монархическое начало укреплялось. Особенно это заметно во времена Владимира и Ярослава. Появляются элементы вотчинного хозяйства, начиная с княжеских сел, вотчин бояр и церковных иерархов и монастырей, что явно подтверждает зарождение феодальных отношений. Так что условно термин «раннефеодальная монархия» вполне применим. Можно, конечно, говорить о ранних, переходных государственных формах, которые пришли на смену военной демократии (это будет даже более корректно), но они все имели монархическое начало, хотя и не отрицается демократический и аристократический элемент. В процессе централизации усиливалась власть князей, в пиковый период ее развития распространившаяся практически на всю территорию Руси. В период раздробленности центральная власть ослабла, соответственно возросло влияние вече и княжеского совета. Но

как только наметилась централизация власти, все вернулось на круги своя. Особенно этот процесс ускорился под внешним влиянием, прежде всего ордынским.

Что касается соотношения властей (светской и церковной), то в литературе того времени этот вопрос на Руси не обсуждался. Константинопольская патриархия, определяя митрополитов на Русь, в известной мере оставляла за собой контроль не только за их назначением, но и деятельностью, а также духовной жизнью людей на Руси, что выражалось в распространении литературы: философско-религиозной, вероучительной, обрядовой и даже светской. Основы славянской письменности и литературы были заложены в результате деятельности христианских миссионеров Кирилла (827–869) и Мефодия (815–885). В 863 году Византийским императором они были направлены для проповеди христианства в Моравию. Для выполнения этой миссии ими была разработана славянская азбука и сделан перевод нескольких богослужебных книг. Это значительно облегчило и ускорило распространение среди населения грамотности, приобщение к чтению и письму, а следовательно, и осознанному восприятию учения Иисуса Христа. Дело Кирилла и Мефодия продолжили ученики, распространившие учение на новые территории, в том числе и русские земли.

Идея о необходимости создания постоянного советного органа при Правителе, восходящая к Даниилу Заточнику (конец XII – начало XIII в.), более не исчезала из политической мысли России, а, напротив, была постоянно востребованной. Модели подобного совета мы находим практически у всех мыслителей XVI в. Тему совета при великом князе, а затем и царе подробно рассматривал И. С. Пересветов [42, с. 147, 183 и др.], обращался к ней князь А. М. Курбский [43, стб. 54–55]. А анонимный автор (или авторы) «Валаамской беседы» и «Иного сказания тоя же Беседы» предложили создать постоянный «Единомысленный вселенский совет», *избранный* «ото всех градов своих и от уездов градов тех», который царям следует «беспременно всегда держати погодно при собе», включив в него «...ото всяких мер всяких людей, и на всяк день их добре и добре распросити царю самому о всегоднем посту и покаянии мира всего, и про всякое дело мира сего» (т. е. о соблюдении подданными требований православной конфессии христианской религии и *«разрешении всех дел мира сего»*) [44, с. 191–192].

На рубеже Средних веков и Нового времени на эту тему вполне определено и конструктивно высказался государев дьяк Иван Тимофеев, пожелавший видеть при царе «Многочисленного собрания лик» в виде «Вселюдского собора», но именно «Многочисленного людособрания», способного оказать «возбранение чего-либо неудобного народу» или каким-либо «нововведениям через законы бываемым». Мыслитель также пожелал, чтобы это «Людособрание» было «единомысленным» и «крепким» (никогда бы не покрывалось позорным «бессловесным молчанием, глядя на невинных погибели»). Он связывал деятельность такого органа с жизнеспособностью государства и благоденствием народа, полагая, что если народу не удастся создать «такое всенародное совокупление», то он сам понесет ответственность «...за всеобщую погибель... и не чужие [будут] земли нашей разорители, а мы есмы сами той потребители» [45, с. 161–163, 339–340].

В XVII, а затем и в XVIII–XIX вв. такие проекты продолжали создаваться многими мыслителями²⁴, среди них наиболее известны предложения А. Н. Ра-

²⁴ Одними из первых в XVII в. были Кондиции, составленные Д. М. Голицыным и В. А. Долгоруким, надорванные Анной Иоанновной при ее восшествии на русский престол в 1730 г.

дищева, Я. П. Козельского, В. Н. Татищева и, особенно, декабристов П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева.

Много проектов ограничения власти российского императора было создано либеральными мыслителями и даже высокими чиновниками во второй половине XIX – начале XX в. Однако реально постоянный законодательный орган при российском императоре был учрежден «Манифестом об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. и провозглашен Государственной Думой²⁵. Так наш далекий предок Даниил Заточник смог предвидеть пути развития российской государственности, предложив создать орган, существующий и поныне, даже под тем же названием. Над его созданием работали несколько поколений наших соотечественников, передав нам эстафету, предусматривающую дальнейшие пути усовершенствования его организации и деятельности, направленной на благо всего народа.

Обсуждение и заключение

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Вопрос семантики и этимологии основных политико-правовых терминов является одним из важнейших в любой отрасли гуманитарной науки, особенно в историко-политической, так как содержание соответствующего понятийно-категориального аппарата определяется теми политическими, социальными и иными факторами, в условиях которых он сформировался и используется. Применение к Средневековью современного понятийно-категориального аппарата недопустимо без соответствующей аргументации.

2. При анализе формы государства, относящейся к далекому прошлому (в нашем случае к Средним векам), достижениями и инструментарием современной науки теории государства и права можно пользоваться, если различать при этом все элементы, входящие в состав понятия «форма государства», не путая, не подменяя, не совмещая один с другим, учитывая при этом терминологические особенности понятийного аппарата средневековых мыслителей и законодателей. Только это позволит достичь наиболее адекватного представления об организации государственной власти в тот или иной исторический период.

3. Комплексное исследование устройства и организации государственной власти в Средневековье на Руси и в Византии не дает оснований для отнесения их к монархии как форме государственного правления.

Список источников

1. Чичуров И. С. Политическая идеология Средневековья (Византия и Русь). М. : Наука, 1991. 176 с.
2. Юшков С. В. История государства и права СССР. Ч. 1. М. : Госюриздат, 1950. 672 с.
3. Горский А. А. Русское средневековье. Традиционные представления и данные источников. М. : АСТ, 2022. 256 с.

²⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXV. Отд. 1. 1905, № 26803. СПб. : Гос. тип., 1908.

4. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. 800 с.
5. Лукин П. В. Вече в домонгольское время: социальный состав // А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М. : Индрик, 2008. С. 33–147.
6. Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII в. М. : Территория будущего, 2006. 368 с.
7. Ключевский В. О. О государственности в России. М. : Мысль, 2003. 604 с.
8. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 2 : Курс русской истории. Ч. 2 / послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминой. М. : Мысль, 1987. 447 с.
9. История государства и права СССР. Ч. 1 / под. ред. О. И. Чистякова, И. Д. Мартысевича. М. : МГУ, 1985. 280 с.
10. Климов Е. В. Титулатура правителя Древней Руси // Вопросы истории. 2013. № 8. С. 153–157.
11. Повесть о Темир Аксаке. Подгот. текста, пер. и коммент. В. В. Колесова // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века / вступ. ст. Д. С. Лихачева ; сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М. : Худож. лит., 1981. С. 230–243.
12. Павленко Н. И., Кобрин В. Б., Федоров В. А. История СССР с древнейших времен до 1861 года / под ред. Н. И. Павленко. М. : Просвещение, 1989. 558 с.
13. Рабинович Е. Г. «Всея Руси самодержец» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2012. № 16. С. 698–711.
14. Штамм С. И. Исторические условия развития русского государства в XIV–XV вв. и создание Судебника // С. И. Штамм Судебник 1497 г. М. : Госюриздат, 1955. С. 3–16.
15. Князьков С. А. Самодержавие въ его исконномъ смысле. СПб., 1906. 37 с.
16. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л. : Наука, 1969. 601 с.
17. Черепнин Л. В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М. : Наука, 1978. 417 с.
18. Скрынников Р. Г. Русская история IX–XVII вв. СПб. : СПбГУ, 2006. 580 с.
19. Саенко М. Н. История семантики праславянских лексем *edinъ и *samъ // Slovene. 2017. № 1. С. 76–94.
20. Ермолаев И. П. Становление российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. 392 с.
21. Асонов Н. В. Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс : автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М. : РАГС, 2009. 43 с.
22. Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси. (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64.

23. Коллманн Н. Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени / пер. с англ. А. Б. Каменского. М. : Древлехранилище, 2001. 459 с.
24. Аристотель. Афинская полития / пер. и примеч. С. И. Радцига. М. : Соц-эгиз, 1937. 255 с.
25. Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л. : Наука, 1990. 198 с.
26. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М. ; Л. : АН СССР, 1949. 687 с.
27. Кассий Дион Коккейн. Римская история. Кн. LI–LXIII / пер. с древнегреч. под ред. А. В. Махлаюка ; предисл. и коммент. А. В. Махлаюка. СПб. : Нестор-История, 2014. 680 с.
28. Корнелий Тацит. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : Анналы. Малые произведения. Л. : Наука, 1969. 444 с.
29. Гаспаров М. А. Светоний и его книга // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / изд. подготовили М. А. Гаспаров, Е. М. Штаерман. М. : Наука, 1964. С. 263–278.
30. Агапит Римский. Увещательные главы, написанные Агапитом, Дьяконом святейшей великия церкви Божие // Христианское чтение. 1827. Ч. XXVII. С. 245–273. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Agapit_Rimskij/uveshhatelnye-glavy-k-imperatoru-justinianu/.
31. Синицына Н. В. Послание Константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : АН СССР, 1965. Т. XXI. С. 96–125.
32. Любарский Я. Н. Историограф Михаил Пселл // Михаил Пселл. Хронография / пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М. : Наука, 1978. С. 209–264.
33. Михаил Пселл. Хронография / пер., ст. и примеч. Я. Н. Любарского. М. : Наука, 1978. 319 с.
34. Сюзюмов М. Я. Лев Диакон и его время // Лев Диакон. История. М. : Наука, 1988. 244 с.
35. Литаврин Г. Г. Византийские интеллектуалы XI века «о демократии» и «аристократии» // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXI Международному конгрессу. СПб. : Алетейя, 2006. С. 148–161.
36. Литаврин Г. Г. Кекавмен и его поучение // Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. СПб. : Алетейя, 2003. С. 13–131.
37. Данте Алигьери. Малые произведения. М. : Наука, 1968. 652 с.
38. Каделлис Э. Византийская республика: народ и власть в Новом Риме / [пер. и отв. ред. В. И. Земскова]. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2016. 448 с.
39. Вальденберг В. Е. Государственное устройство Византии до конца VII в. // Каделлис Э. Византийская республика: народ и власть в Новом Риме / [пер. и отв. ред. В. И. Земскова]. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2016. С. 339–437.
40. Черноглазов Д. А. О мировоззрении Иоанна Зонары и его современников // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXI Международному конгрессу. СПб. : Алетейя, 2006. С. 187–204.

41. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб. : Наука, 1992. 347 с.
42. Сочинения И. Пересветова / под ред. Д. С. Лихачева. М. ; Л. : АН СССР, 1956. 388 с.
43. Князя А. М. Курбского История о великомъ князе Московскомъ. СПб. : Император. Археогр. комис., 1913. VIII с., 194 стб.
44. Моисеева Г. Н. Валаамская беседа. Памятник русской публицистики середины XVI в. М. ; Л. : АН СССР, 1958. 199 с.
45. Временник Ивана Тимофеева / подг. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. ; Л. : АН СССР, 1951. 512 с.

References

1. Chichurov, I. S. *The political ideology of the Middle Ages (Byzantium and Russia)*. Moscow: Nauka; 1991. 176 p. (In Russ.)
2. Yushkov, S. V. *History of the State and law of the USSR*. Pt. 1. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1950. 672 p. (In Russ.)
3. Gorsky, A. A. *The Russian Middle Ages. Traditional representations and data from sources*. Moscow: AST; 2022. 256 p. (In Russ.)
4. Vladimirsky-Budanov, M. F. *Review of the history of Russian law*. Moscow: Territoriya budushchego; 2005. 800 p. (In Russ.)
5. Lukin, P. V. Veche in pre-Mongol times: the social composition. In: A. A. Gorsky, V. A. Kuchkin, P. V. Lukin, P. S. Stefanovich. *Ancient Rus: essays on the political and social system*. Moscow: Indrik; 2008. Pp. 33–147. (In Russ.)
6. Valdenberg, V. E. *Ancient Russian teachings on the limits of Tsarist power: essays on Russian political literature from St. Vladimir to the end of the 17th century*. Moscow: Territoriya budushchego; 2006. 368 p. (In Russ.)
7. Klyuchevsky, V. O. *On statehood in Russia*. Moscow: Mysl'; 2003. 604 p. (In Russ.)
8. Klyuchevsky, V. O. *Essays*. In 9 vols. Vol. 2: The course of Russian history. Pt. 2. Afterword. and comment. by V. A. Alexandrov, V. G. Zimina. Moscow: Mysl'; 1987. 447 p. (In Russ.)
9. Chistyakov, O. I., Martysevich, I. D., eds. *History of the State and law of the USSR*. Pt. 1. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1985. 280 p. (In Russ.)
10. Klimov, E. V. Titulature of the ruler of Ancient Russia. *Voprosy istorii = Questions of History*. 2013;(8):153-157. (In Russ.)
11. The story of Temir Aksak. Text prep., transl. and comment. by V. V. Kolesov. In: L. A. Dmitriev, D. S. Likhachev, comp. and eds. *Monuments of literature of Ancient Russia. XIV – the middle of the XV century*. Introd. art. by D. S. Likhachev. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1981. Pp. 230–243. (In Russ.)
12. Pavlenko, N. I., Kobrin, V. B., Fedorov, V. A. *History of the USSR from Ancient times to 1861*. Ed. N. I. Pavlenko. Moscow: Prosveshchenie; 1989. 558 p. (In Russ.)

13. Rabinovich, E. G. "The autocrat of All Russia". *Indoeuropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya = Indo-European Linguistics and Classical Philology*. 2012;(16):698-711. (In Russ.)
14. Shtamm, S. I. Historical conditions of the development of the Russian state in the XIV-XV centuries and the creation of the Judicial Code. In: S. I. Shtamm. *Judicial Code of 1497*. Moscow: State Publishing House of Legal Literature; 1955. Pp. 3-16. (In Russ.)
15. Knyazkov, S. A. *Autocracy in its original sense*. St. Petersburg; 1906. 37 p. (In Russ.)
16. Nosov, N. E. *The formation of estate-representative institutions in Russia: research on the zemstvo reform of Ivan the Terrible*. Leningrad: Nauka; 1969. 601 p. (In Russ.)
17. Cherepnin, L. V. *Zemsky sobors of the Russian state in the XVI-XVII centuries*. Moscow: Nauka; 1978. 417 p. (In Russ.)
18. Skrynnikov, R. G. *Russian history of the IX-XVII centuries*. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2006. 580 p. (In Russ.)
19. Saenko, M. N. The history of the semantics of the Proto-Slavic lexemes *edinъ and *samъ. *Slovene*. 2017;(1):76-94. (In Russ.)
20. Ermolaev, I. P. *The formation of the Russian autocracy. The origins and conditions of its formation: a look at the problem*. Kazan: Publishing House of Kazan University; 2004. 392 p. (In Russ.)
21. Asonov, N. V. *Political doctrines of the Russian autocracy: genesis, evolution and modern discourse*. Abstract of Dr. Sci. (Political) Dissertation. Moscow: Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation; 2009. 43 p. (In Russ.)
22. Kobrin, V. B., Yurganov, A. L. The formation of despotic autocracy in Medieval Russia. (Towards the formulation of the problem). *Istoriya SSSR = History of the USSR*. 1991;(4):54-64. (In Russ.)
23. Kollmann, N. Sh. *United by honor. The state and society in Early Modern Russia*. Transl. from Engl. by A. B. Kamensky. Moscow: Drevlekhraishche; 2001. 459 p. (In Russ.)
24. Aristotle. *Athenian politics*. Transl. and notes by S. I. Radzig. Moscow: Publishing House of Social and Economic Literature; 1937. 255 p. (In Russ.)
25. Shifman, I. Sh. *Caesar August*. Leningrad: Nauka; 1990. 198 p. (In Russ.)
26. Mashkin, N. A. *The Principate of Augustus. Origin and social essence*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1949. 687 p. (In Russ.)
27. Cassius Dio Cocceianus. *Roman history*. Bks. LI-LXIII. Transl. from Ancient Greek. Ed. A. V. Makhlayuk. Preface and comment by A. V. Makhlayuk. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2014. 680 p. (In Russ.)
28. Cornelius Tacitus. *Essays*. In 2 vols. Vol. 1: The Annals. Small works. Leningrad: Nauka; 1969. (In Russ.)
29. Gasparov, M. L. Suetonius and his book. In: Gaius Suetonius Tranquillus. *The life of the twelve Caesars*. Ed. prepared by M. L. Gasparov, E. M. Shterman. Moscow: Nauka; 1964. P. 263-278. (In Russ.)

30. Agapit of Rome. Exhortatory chapters written by Agapit, Deacon of the Most Holy Great Church of God. *Khristianskoe chtenie = Christian Reading*. 1827. Pt. XXVII. Pp. 245–273. (In Russ.) URL: https://azbyka.ru/otechnik/Agapit_Rimskij/uveshhatelnye-glavy-k-imperatoru-justinianu/.
31. Sinitsyna, N. V. The Epistle of Patriarch Photius of Constantinople to Prince Michael of Bulgaria in the lists of the XVI century. *Works of the Department of Old Russian Literature*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1965. Vol. XXI. Pp. 96–125. (In Russ.)
32. Lyubarsky, Ya. N. The historiographer Mikhail Pselle. In: Mikhail Pselle. *Chronography*. Transl., art. and notes by Ya. N. Lyubarsky. Moscow: Nauka; 1978. Pp. 209–264. (In Russ.)
33. Mikhail Pselle. *Chronography*. Transl., art. and notes by Ya. N. Lyubarsky. Moscow: Nauka; 1978. 319 p. (In Russ.)
34. Suzumov, M. Ya. Leo the Deacon and his time. In: Leo the Deacon. *History*. Moscow: Nauka; 1988. 244 p. (In Russ.)
35. Litavrin, G. G. Byzantine intellectuals of the XI century “on democracy” and “aristocracy”. *Byzantine essays. Proceedings of Russian scientists for the XXI International Congress*. St. Petersburg: Aletejya; 2006. Pp. 148–161. (In Russ.)
36. Litavrin, G. G. Kekavmen and his teaching. In: Kekavmen. *Tips and stories. The teaching of the Byzantine commander of the XI century*. St. Petersburg: Aletejya; 2003. Pp. 13–131. (In Russ.)
37. Dante Alighieri. *Small works*. Moscow: Nauka; 1968. 652 p. (In Russ.)
38. Valdenberg, V. E. The state structure of Byzantium until the end of the 7th century. In: E. Kaldellis. *The Byzantine Republic: people and power in the New Rome*. Transl. and ed. by V. I. Zemskova. St. Petersburg: DMITRY BULANIN; 2016. Pp. 339–437. (In Russ.)
39. Kaldellis, E. *The Byzantine Republic: people and power in the New Rome*. Transl. and ed. by V. I. Zemskova. St. Petersburg: DMITRY BULANIN; 2016. 448 p. (In Russ.)
40. Chernoglazov, D. A. On the worldview of John Zonara and his contemporaries. *Byzantine essays. Proceedings of Russian scientists for the XXI International Congress*. St. Petersburg: Aletejya; 2006. Pp. 187–204. (In Russ.)
41. *The successor of Theophanes. Biographies of the Byzantine Tsars*. St. Petersburg: Nauka; 1992. 347 p. (In Russ.)
42. *The writings of I. Peresvetov*. Ed. by D. S. Likhachev. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1956. 388 p. (In Russ.)
43. Prince A. M. Kurbsky's *The Story of the Grand Duke of Moscow*. St. Petersburg: Imperial Archeographic Commission; 1913. VIII p., 194 col. (In Russ.)
44. Moiseeva, G. N. *The Valaam Conversation. A monument to Russian journalism in the middle of the XVI century*. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1958. 199 p. (In Russ.)
45. *The Time of Ivan Timofeev*. Prep. to print, transl. and comment. by O. A. Derzhavina. Ed. V. P. Adrianova-Peretz. Moscow: USSR Academy of Sciences; 1951. 512 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Золотухина Наталья Михайловна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушkinsкая, д. 69).

Natalia M. Zolotukhina, Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher at the Theory of Law, State and Judicial Power Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Власова Татьяна Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушkinsкая, д. 69).

Tatiana V. Vlasova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Theory of Law, State and Judicial Power Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Колунтаев Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории права и государства Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушkinsкая, д. 69).

Sergey A. Koluntaev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the History of Law and State Department, Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 24.11.2025.
The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 24.11.2025.